

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

ОЛЕГ КАШИН

РЕАКЦИЯ ПУТИНА

**ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО
И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО**



Олег Владимирович Кашин
Реакция Путина. Что такое
хорошо и что такое плохо
Серия «Политические расследования»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18118358

Реакция Путина. Что такое хорошо и что такое плохо: Алгоритм;

Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0517-7

Аннотация

Олег Кашин – один из самых ярких журналистов в России, автор ряда книг о политическом положении нашей страны. Он работал в «Комсомольской правде», в «Коммерсанте», в «Известиях», был обозревателем журнала «Эксперт». В октябре 2012 года Кашин был избран в Координационный совет российской оппозиции. В своей новой книге Олег Кашин рассказывает о том, как путинская власть строит свои отношения с оппозиционным движением в России, – при этом он отталкивается от событий 1993 года, считая, что именно тогда была выработана модель отношения власти к оппозиции. Кроме того, автор уделяет внимание актуальными проблемам политической жизни России: работе Государственной Думы РФ, поведению депутатов от «Единой России», деятельности МВД и

ФСБ, а также громким политическим делам последнего времени – «делу Навального», «делу Гудкова», «делу Pussy Riot» и прочим.

Содержание

От автора	6
Прощание с «Единой Россией»	11
Учиться ненавидеть	11
Народ решает	14
...Не надо тебе туда	19
Моя речь на Болотной	24
Да, это политическая деятельность	29
В самое сердце	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олег Кашин

**Реакция Путина. Что такое
хорошо и что такое плохо**

© Кашин О. В., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

От автора

Мы стояли с Лимоновым на рю-де-Рив в Женеве, то есть стоял я один – у витрины магазина Apple – единственного на тот момент доступного мне источника хорошего беспроводного интернета, позволяющего поддерживать видеосвязь с Москвой. Лимонов сидел у себя дома на Ленинском проспекте, впервые в жизни общаясь по «скайпу» – со мной.

– Художественное произведение как жанр устарело, – говорил он мне. – Роман особенно устарел. Издатели виновны в навязывании вот этого извращенного продукта, такого кирпича там, в 300 страниц приблизительно, с выдуманными персонажами. Издатели всего мира виновны, потому что это продается лучше всего, вот эти сушеные ослиные мозги. А вообще это крайне примитивный жанр как таковой, ему можно научить, и пытаются научить в школах. Что такое сочинение школьное, как не первый набросок романа? И поэтому романы отвратительны, это первый класс для литератора. Только в первом классе можно написать три романа и покончить с этим. Самый, на мой взгляд, современный жанр, дающий большой простор и для мысли, и, что очень важно, мысль должна присутствовать, – это, конечно, эссе. Я говорю, что нужно писать эссе, наблюдения, смесь какую-то. Нужно писать воспоминания, довеском с моралью какой-то, с какими-то оргвыводами, извините, из воспоминаний.

Эта книга началась с этих слов Лимонова. Только он так умеет – нажал на кнопочку где-то у меня в голове, что-то переключилось, и я уже сам прекрасно понимаю, что вот эти тексты – они не журналистика совсем, и ничего обидного (а как я обижался, когда мне говорили о чем-нибудь моем «ну нет, старик, это не журналистика!») в этом нет, просто другой жанр, другая, так сказать, отрасль гуманитарной сферы. Журналисты почему-то боятся слова «проза», но вообще да, я старался писать именно прозу, и, иногда прямо совсем хулиганя и срываясь в прямое цитирование, писал целые куски «под Эренбурга» – видимо, главного русского писателя, работавшего в том жанре, которому теперь учит меня Лимонов. «Пал неприступный Кенигсберг».

Я действительно хотел бы, чтобы человек, который возьмет в руки эту книгу, отнесся бы к ней не как к сборнику опубликованных в СМИ материалов, а как к цельному художественному произведению, созданному начинающим писателем «на основе реальных событий».

Наверное, стоит пояснить, о каких именно событиях идет речь. Хронологические рамки я взял такие – с лета 2012 года, то есть с разгрома Болотной площади и последовавшего за ней разгрома нелояльных Путину журналистов, среди которых оказался и я, – до лета 2013-го, до вынесенного в Кирове приговора Алексею Навальному и последовавшего за приговором неожиданного его освобождения, которое сейчас (а я и пишу эти строчки сейчас, как раз этим ле-

том, не зная, что будет дальше) выглядит как символ странной, с явным подвохом, но все равно надежды. Год реакции и год рефлексий; люди, которых пропаганда назвала «креативным классом», испуганно наблюдая за первыми арестами по политическим делам, за судебными процессами, за гайкоз-кручивающими инициативами парламента, – эти люди вдруг увидели, что их картина мира не вполне адекватна тому, что есть на самом деле. Даже в мелочах и даже в базовых ценностях, прямой связи которых с тем, что происходит вокруг, до сих пор не замечает почти никто.

2013 – юбилейный год. Двадцать лет исполняется первому настоящему разгрому оппозиции – московским событиям 1993 года. О том, что 1993 год стал политической родиной для Владимира Путина, о самом существовании которого тогда знал только узкий круг ценителей в Петербурге, – об этом я писал еще в 2010 году. Теперь, по мере приближения к юбилейным датам осени, я даже сам начал пугаться той частоты, с которой я теперь обращаюсь к этой теме. Готов повторить – да, я уверен, что и «Болотное дело», и «гребаная цепь», и даже «Кировлес» – все началось именно тогда, когда Борис Николаевич Ельцин решил вдруг, как было принято говорить в советскую старину, сосредоточить в своих руках необъятную власть. Тюремщики и прокуроры, судьи и «кураторы из администрации» – все они вышли из шинелей ельцинских танкистов 1993 года, и я не перестаю надеяться, что когда-нибудь это станет ясно всем, с кем вместе я выхо-

дил на Болотную площадь спустя двадцать лет после кровавых московских событий.

На Болотной, кстати, я даже выступал – на первой, в декабре 2011-го, когда Алексей Навальный передал мне из тюрьмы свое выступление для этого митинга, и спустя полтора года, весной 2013-го, когда, написав заранее большую речь (она есть в этой книге), я послушал ораторов, почему-то считающих себя лидерами тех, кто выходит на площадь – и вместо речи я спел знаменитую песню Егора Летова «Все идет по плану», потому что только бронебойными словами Егора можно было пробить стену, которой самозваные вожди оппозиции отгородились от народа, мечтающего о новой стране.

Текста песни Летова, впрочем, в этой книге нет. Все остальное, что хотел я сказать «креативному классу», – есть. Еще раз скажу, что это не сборник статей, это книга; я писал ее на протяжении этого странного года, о котором когда-нибудь напишут в учебниках – «год путинской реакции».

Спасибо издательству «Алгоритм» за то, что согласилось эту книгу выпустить. Спасибо Эдуарду Лимонову за идею. Спасибо Алексею Громову и его сотрудникам за то, что, лишив меня репортерской профессии, они дали мне возможность написать эту книгу, не отвлекаясь на «заметки». Спасибо Максиму Ковальскому, Веронике Куцылло, Андрею Горянову, Сергею Шаргунову и Захару Прилепину за то, что они публиковали мои тексты, и 57 тысячам читателям в

твиттере за то, что читают «свежего меня». Также спасибо моей жене, которая понимает, зачем я это пишу – могла бы ведь и не понимать, я бы страдал.

Читайте. Я старался.

Прощание с «Единой Россией»

Учиться ненавидеть

Сесть в машину времени и вернуться на полтора года назад. Прийти на Болотную площадь, пробраться к микрофону и рассказать им все: про «болотное дело» и арестованных по нему вплоть до Гаскарова, про «Анатомию протеста» и про Лебедева, про «Кировлес» и Навального, да даже про инаугурацию в пустой Москве и зачистки тех дней; ну и чтобы поверили, что не сумасшедший, а реально из будущего, показать им какой-нибудь артефакт, которого у них еще не было, а у нас уже есть. Ну не знаю, пятый айфон – смотрите, мол, я из будущего!

Поверили бы? Вряд ли. Кто еще не забыл ту атмосферу городского праздника, кто читал тогдашние колонки (тогда все писали колонки), кто ретвиттил и ставил лайки, тот помнит, какое тогда царило настроение. Потом, конечно, все изменится. Политические процессы, Следственный комитет как главный коммуницирующий орган между Кремлем и оппозицией, новые безумные законы, новое все – по соотношению «ждали/получили» это были самые невероятные полтора года в новейшей истории России. Так не бывает, и логично, что никто не смог предугадать, предсказать, предупредить.

дить.

А если так: сесть в машину времени, прилететь в декабрь 2011-го и, не вдаваясь в подробности, произнести сочиненную в 2013-м речь о том, что – да, во власти есть адекватные люди, с которыми надо вести диалог, и что если оппозиция хочет быть лучше власти, ей надо научиться прощать и понимать, а не срывать в травлю оппонентов и поиски провокаторов в своих рядах, и что пора слезть с баррикад – в этом случае и пятым айфоном трясти не стоило бы, Болотная-2011 с удовольствием бы выслушала такую речь. В атмосфере городского праздника примирительные слова звучали бы уместно и адекватно.

Слушать их сейчас, когда праздник давно закончился, а не успевшие уйти домой его участники либо сидят в тюрьме, либо прячутся за границей, – в такой обстановке примирительные слова звучат дико. Но все равно звучат, и, видимо, если с чем и стоит смириться, так это с тем, что очередные аресты и суды будут происходить под аккомпанемент все тех же речей – мол, не нужно ожесточаться, нужно понять и простить, и далее по тексту.

Стало общим местом говорить об отсутствии у нашего общества каких-то важных человеческих качеств – милосердия, «протестантской этики», эмпатии, ума и Бог знает чего еще. Этот год убедительно продемонстрировал дефицит еще одного важнейшего качества – умения ненавидеть. Это может прозвучать странно, считается же, что русские край-

не нетерпимы и бескомпромиссны, но именно что считается. В этом году, от мая до мая, не было ни одного случая, который бы доказывал нетерпимость русских хотя бы в лице отдельных представителей оппозиции. Власть совершила слишком много поступков, от которых глаза должны были бы наливаться кровью, а руки – тянуться к топору, но каждый раз мы видим полтора десятка растерянных пикетчиков в Техническом переулке, а больше ничего не видим.

Этот призыв может прозвучать странно, но нехватку ненависти и ярости нужно преодолевать так же усердно, как и нехватку милосердия, – без одного не бывает другого. Нужно учиться ненавидеть, учиться быть злопамятными, учиться не прощать.

Хотя бы для того, чтобы не было неудобно перед теми, кто сидит сейчас по «Болотному делу». Вот выйдут они – прочитают, как мы понимали и прощали тех, кого на самом деле ни в коем случае нельзя ни понять, ни простить.

Народ решает

В то время как в Британии Шекспир уже записывал монолог Гамлета, в Соединенных Штатах писателей и поэтов, как известно, не было, и даже на месте нынешнего Голливуда паслись бизоны и мустанги. Прошли столетия, но мрачная тень так и висит над Америкой – не будет преувеличением сказать, что в этой стране живет два разных народа. Один – великий народ, давший миру Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Уолта Уитмена и Хамфри Богарта, другой – для него вершиной эстетического совершенства служит Чак Норрис, а книг этот народ не читал. Один народ населяет преимущественно большие города – Нью-Йорк, Сан-Франциско, отчасти Бостон, другой живет по своим Алабамам и Оклахомам, ни разу в жизни не покинув пределов Соединенных Штатов. Один народ слушает R'n'B и читает «Нью-Йорк таймс», другой слушает кантри и смотрит «Фокс ньюс». На одной территории образовалось две совершенно разных по духу и культуре нации, хотя и те и другие – американцы, и говорят на одном языке.

И я надеюсь, что ни один американец никогда не прочитает этот мой абзац, потому что я не хочу, чтобы мои американские друзья относились ко мне, как к идиоту, или, если более вежливо, я не хочу, чтобы мои американские друзья воспринимали меня так же, как я воспринимаю русского

писателя Михаила Шишкина, чей уровень представлений о России не сильно отличается от моего уровня представлений об Америке, а он, чтобы было понятно, у меня таков, что даже бизонов я вспомнил сам, а за мустангами мне пришлось обращаться к аудитории моего твиттера.

Ленинский тезис о двух культурах внутри одной нации по какому-то недоразумению не оказался погребен под обломками остального «научного коммунизма». О том, что в России живет не один народ, как везде, а два разных народа, мы читали, пожалуй, даже больше, чем стоило. От Шафаревича до Павла Пряникова – каждый русский интеллеktуал хотя бы раз высказывался, в зависимости от точки наблюдения, либо о «малом народе» (теперь его чаще называют «креативным классом»), либо о «звероподобном сброде», с которым этому интеллеktуалу приходится сосуществовать в одной стране. Не берусь судить, почему так случилось. Мы, русские – нация молодая, мы не лишены еще каких-то смешных детских качеств – нам еще кажется, что можно выгнать из класса неприятных нам ребят, и класс станет лучшим в школе. «Сегодня самый лучший день, сегодня битва с дураками», – поется в нашей школьной песенке, и, затягивая ее, мы, конечно, относим себя к тем, кто даст сейчас дуракам последний бой. Это не навсегда, мы еще вырастем и поймем, как были неправы. Но пока мы не выросли, и на нас еще действует глупая ерунда про два русских народа.

Пора, однако, взрослеть. Пора принять простую, в общем,

вещь – нет народов, которые состояли бы из одинаковых людей. Даже если мы убьем всех, кому нравится Стас Михайлов, обязательно найдется кто-нибудь, кто любит Елену Ваенгу. Кто-то всегда будет мечтать о добром царе, кто-то всегда предпочтет тихую участь «бюджетника» славной судьбе успешного стартапера. Гей-браки никогда не будут приняты всем обществом, а в церковь всегда кто-нибудь придет молиться, даже если за это будут сажать в тюрьму. Но и это еще не все. И я, и вы, и Стас Михайлов в равной мере имеем право и на Россию, и на гордость за ее поэтов и художников, и на стыд за ее палачей и доносчиков, и вообще на все – «на тропинку, на лесок, в поле каждый колосок». Это вообще-то и называется – народ.

Ни у кого нет права отказывать народу в праве на решение – любое, даже самое несимпатичное. Ни у кого нет права ставить себя выше народа, решать за него – что ему, народу, больше подходит и что принесет больше пользы. Если вдруг мы сегодня договоримся, что за народ что-нибудь будет решать писатель Шишкин, завтра из-за спины писателя Шишкина обязательно выпорхнет полковник Сечин. В самом деле, если Сечин разделяет теорию о двух народах, почему бы ему не подчинить народ себе?

Как-то в эстонском консульстве я листал брошюрку о прелестях этой северной страны. Среди прочего в брошюрке были портреты людей, принесших Эстонии наибольшую славу – среди прочих я увидел там поэта Северянина, мореплава-

теля Крузенштерна, филолога Лотмана. Вам смешно? Мне нет, потому что я понимаю, что, будь у эстонцев Лев Толстой, они бы одним Толстым доказали бы миру, что именно они, эстонцы – величайшая нация планеты.

В Праге я видел памятник местному писателю – еврею, писавшему по-немецки, в общем, не имевшему никакого отношения к чешскому народу. Если бы у чехов был Андрей Платонов, чехи бы заставили мир относиться к ним так же, как мы сегодня относимся к англичанам с их Шекспиром, битлами и Джоан Роулинг.

В Лейпциге на центральной площади я видел красивый памятник немецкой революции 1989 года. Кто знает историю, тот помнит ту революцию – были межгосударственные переговоры бывших союзников и двух Германий по схеме «4+2», был торг о компенсациях за вывод советских войск, была отставка Хонеккера под давлением Москвы, и вот когда это все произошло, когда стало можно, немцы дисциплинированно вышли на улицы. Наш народ, русский народ, в те же годы пережил свою великую революцию, избавившись от самой бесчеловечной диктатуры всех времен. Кто считает, что это была персональная революция, допустим, Горбачева, пусть расскажет об этом хотя бы шахтерам Кузбасса, или избирателям Сахарова, или слушателям «Аквариума» и «Гражданской обороны» – будь такая революция у немцев, немцы бы гордились ею, как американцы гордятся избавлением от рабства.

Но мы не немцы, не эстонцы и не чехи. Мы выглядим как белый европейский христианский народ, ведем себя как белый европейский христианский народ, обладаем всеми признаками белого европейского христианского народа, но почему-то боимся сказать себе вслух, что мы – белый европейский христианский народ. Румыны не боятся. Болгары не боятся. Албанцы, даром что мусульмане – не боятся. А мы боимся. Нам больше нравится рассуждать о двух народах вместо нашего одного. Рассуждать о хорошем и плохом народе, относить себя к хорошему и валить все на плохой.

Хватит. Пора взрослеть.

Ну и Шишкину передайте, что его демагогия на нас уже не действует.

...Не надо тебе туда

Эдуард, я прочитал сегодня вашу статью о том, как будет выглядеть Россия после прихода к власти «буржуазных лидеров». Особенно мне понравился вот этот момент:

«Это, конечно, не значит, что волнений, связанных с социальными реформами, не будет, – будут, ведь будут же реформы, правда? Значит, никуда не денется и нынешняя милиция с ОМОНОм, только – вот парадокс! – зверства ОМОНа почему-то не будут, как сейчас, вызывать протеста у либеральной интеллигенции, зато слово «быдло» по отношению к выходящим на демонстрации гражданам вернется в лексикон просвещенной публики и прочно в нем закрепится. Студенты, может быть, смогут спокойно учиться в своих институтах – с отсрочками от армии все будет нормально. В армии, строго говоря, все останется по-прежнему – и служить будут те же простые парни из рабочих районов, где нету работы, и тысячи мрачноватых воинских частей, разбросанные по стране, ни во что приличное не превратятся, и нового оружия, и техники не будет. Разве что войска, наверное, уйдут из Чечни, и воевать в Чечне не придется. И в Ингушетии тоже, и в Дагестане, и в Ставрополье, и на остальных территориях, отвоеванных у революционной России свободолюбивой Ичкерией».

Я не знаю, на какой строчке вы поняли, что я вас сейчас

пытаюсь разыграть, и поняли ли вообще – в принципе, это ведь не очень отличается от вашего «заклучат долгождан- ный мирный договор с Японией (России он на самом деле не нужен, как корове седло), отдав Японии Курильские ост- рова. Далее (уж будьте уверены), улыбаясь и кланяясь, са- мураи станут настойчиво требовать себе Южный Сахалин. И через пару лет получают и этот кусок. Где-то через год-два после их прихода к власти «болотные» вожди сделают Ка- лининградскую область свободной территорией. Чтобы ещё через год вывести её из состава Российской Федерации», – вы ведь не станете возражать, что (с поправкой на разницу литературных талантов их авторов, конечно) две цитаты, ко- торые я здесь привел, безумно похожи.

И автор цитаты про Сахалин – вы, да. Свежий вы, май 2013 года. А автор цитаты про ОМОН и Ставрополье – я, и это март 2005 года. И, поздравляя вас с тем, что вы сей- час, семидесятилетний, приходите к тем же выводам, что и я, двадцатипятилетний, восемь лет назад, – поздравляя вас с этим, я хочу поделиться с вами коротким воспоминанием о том, куда меня те выводы привели дальше.

Когда я задумался, что случится после революции в Рос- сии (а тогда было модно ждать у нас «оранжевую револю- цию» по типу украинской), я считался журналистом, близ- ким к только зарождавшимся тогда либеральным молодеж- ным движениям – их тогда было много, до вашей НБП им всем было, конечно, далеко, и, может быть, поэтому вы то-

гда, насколько я помню, не бросались «лимонками» в тех, кого вы в любом случае заведомо круче, сильнее, умнее.

Сейчас бросаетесь. Что изменилось?

Но я отвлекся. Так вот, дружил я тогда с теми младобуржуазными пародиями на вашу партию, и по мере того, как я на них смотрел, все внимательнее и ближе, я все больше понимал, насколько они – ну, давайте мягко, – несовершенно. Мягко, да – я и критиковал их сначала мягко, потом чуть жестче, потом еще жестче, и, в конце концов, с одной трибуны даже обозвал «куском г*вна» кого-то из тех молодежных лидеров (перечитайте свои нынешние лимонки – кажется, вы и про него, повзрослевшего, писали). Я ругал их, им это не нравилось, зато нравилось людям, о которых я знал, конечно, что они откуда-то из околосмоленских мест, но на первый взгляд они были даже посимпатичнее тех яшиных и доброхотовых, которых я тогда ругал.

Все происходило настолько естественно, что, обнаружив себя среди идеологических холуев путинского Кремля, обнаружив себя если не буквально одним из них, то в любом случае их коллегой и другом, я даже не испугался – ну а что, они тоже, конечно, несовершенно, но, кажется, терпимо, особенно, по сравнению с теми, будущими буржуазными.

И я не знаю, что бы со мной было дальше, в какого бы политолога Маркова я превратился бы, если бы меня из этого общества просто за шиворот не вытащил мой друг Ольшанский (кажется, вы с ним знакомы, спросите у него) и не за-

брал бы в свой журнал, в котором можно было писать обо всем, кроме актуальной политики. Это был свежий воздух, на котором я быстро пришел в себя, и которым стараюсь дышать до сих пор, хотя это сейчас с каждым днем все труднее. Так вот, Эдуард, я вам желаю, чтобы и у вас нашелся свой Ольшанский, который так же, за шиворот бы вытащил вас из этой помойки на свежий воздух и сказал бы: «Дед, ты великий писатель, и даже если ты ненавидишь этих «буржуазных лидеров», зачем тебе присоединяться к чекистам из Следственного комитета и нацистским шавкам, которые борются с теми же «буржуазными лидерами», но на профессиональной основе, и дружески над тобой посмеиваются: «вот, добровольный помощник образовался, ему и платить не надо».

Таких добровольных помощников у них было – город можно из них собрать. И почему-то всех их в итоге судьба приводила вот туда же, в то караульное помещение, в котором пахнет калом и в котором сидит товарищ Маркин.

Орать я умею не очень, но вам хочется именно проорать в ухо: Лимонов, не ходите туда. Там Маркин. Там кал. Там плохо. Вам. Туда. Не надо.

И я нарочно сейчас пытаюсь разговаривать с человеком, годящимся мне в деды, в такой развязной форме. Я просто не знаю, какими еще словами вам это объяснить, чтобы вы хотя бы услышали.

И чего действительно боюсь – что нет таких слов, которые вы сейчас могли бы услышать. Что никак вам этого не

объяснишь, потому что у вас всегда найдутся соратники, которые в любое время дня и ночи скажут вам, что вы на свете всех милее, всех румяней, белее, умнее, круче, и что вы всегда правы. Ну, вот помните, у Ельцина всегда был рядом охранник Коржаков, который ему так говорил, а потом еще появился пресс-секретарь Ястржембский. Благодаря таким соратникам Ельцин так и умер, будучи уверенным, что он великий человек, освободитель России и все такое. И я сейчас бы даже сказал вам – не будьте как Ельцин, Эдуард! – но ведь и это на вас не подействует, потому что вы же поддерживали Ельцина и в чеченскую войну, и на «тех самых» президентских выборах, то есть быть как Ельцин для вас – это, как я вижу, мечта. Поэтому я говорю вам: превращайтесь в Ельцина на здоровье и когда его преемник пустит вас к себе в приемную по какому-нибудь поводу – не забудьте сказать ему: «Берегите Россию».

Он не поймет, но вы все равно не забудьте, скажите.

Моя речь на Болотной

Есть стойкое ощущение, что эта Болотная – последняя. Ресурс «мы были и придем еще» исчерпан даже не вчера, и я не думаю, что я такой один – кто хочет персонально для себя подвести черту под довольно важным, но все же не более чем периодом в жизни.

Моя черта может быть, самая простая. Полтора года назад я выступал на Болотной – популярный журналист влиятельной газеты, статусный человек по какой угодно мерке. Я говорил с той трибуны тем коллегам, кто пришел митинговать, а не писать репортажи, что если вас, друзья, сегодня будет задерживать полиция, то не надо говорить ей, что вы здесь как журналисты, не надо трясти пресс-картами, не надо обманывать. Свое журналистское удостоверение я тогда честно оставил дома и очень этим гордился.

Сегодня журналистского удостоверения у меня нет вообще, я безработный маргинал, уже как бы и не журналист, но и не политик, конечно, а просто черт знает кто, и вряд ли мне будут рады на той трибуне, но если бы я вдруг на нее поднялся, то мне, я полагаю, было бы что сказать. У меня есть готовая речь для Болотной площади.

Я начал бы свою речь словами «Христос Воскресе!» – вряд ли другое приветствие было бы уместно в Светлую седмицу. Кроме того, я поздравил бы собравшихся с наступа-

ющим Днем Победы; шестое мая – это всего лишь три дня до девятого, уже можно поздравлять. Самая отвратительная черта «болотного движения» – это то, что, кажется, никто до сих пор вообще не думал, как встраиваются его ценности в общепринятый российский контекст. Посмотрите на фотографии с любого митинга – повсюду торчат партийные знамена, особенно оранжевые флаги «Солидарности» с понятным и приятным только ее активистам логотипом движения. На всех предыдущих митингах было (и на этом, конечно, тоже будет) мало российских флагов, а их должны были быть сотни, потому что – и об этом я тоже сказал бы в своей речи – «болотное движение», конечно, стало самым долгим и самым массовым, по нынешним русским меркам, патриотическим народным движением, и безумно жаль, что до сих пор никто не сказал простую вещь – что вот с декабря 2011 года люди регулярно выходят на улицы не «за честные выборы», не против забытого ныне Чурова (как говорят подростки – «Май эсс») и даже не против Путина, а за родину. За родину, за Россию, которую эти люди хотят видеть свободной и процветающей, и которые в своем патриотизме исходят из того, что свободной и процветающей она никогда не станет без серьезных политических перемен. Наш патриотизм, сказал бы я, всегда будет сильнее казенного, потому что, видит Бог – нам за него никто не платит, и мы тратим на него кто свободу, кто карьеру, кто спокойствие, потому что не можем иначе, потому что мы русские люди.

Может быть, при слове «русские» в передних рядах бы заворчали, и мне пришлось бы повышать голос, говорить громче, что – да, мы великий европейский народ, заслуживающий европейских государственных порядков в той же мере, в какой их заслужила любая другая страна к западу от бывшей советской границы. Мы не хуже поляков, албанцев или румын – тут в толпе, наверное, захихикают, но кто ж виноват, что такие вещи в 2013 году в России надо проговаривать вслух.

Потом надо будет сказать о лидерах. О том, что власть трагит серьезные силы и ресурсы на то, чтобы дискредитировать и выдернуть из политики оппозиционных лидеров, но наши лидеры не Удальцов, не Собчак и даже не Навальный, а – тут я бы произнес несколько имен тех наших соотечественников, которые ассоциируются со словом «свобода» – от Пушкина до Егора Летова, и сказал бы, что это они – наши лидеры. Здесь, чего уж там, есть элемент этакого постмодернистского плагиата, в нашей как раз военной истории уже была речь с перечислением «великих предков», которая, если верить современникам, возымела серьезный эффект сразу по произнесении, и даже обеспечила ее автора хоть и безосновательной, но устойчивой репутацией большого патриота – да, я считаю, что удачные трюки политиков прошлого заслуживают того, чтобы использовать их в современности, поэтому да, нужно перечислить имена. Кто здесь власть? Пушкин здесь власть.

Потом нужно будет сказать о нашем народе, бессовестно отнесенном пропагандой в лоялисты по умолчанию. Я был на «Уралвагонзаводе», я знаю, какими словами тот «образцовый» народ говорит о власти – за такие слова с трибуны Болотной утащили бы на 15 суток как минимум. Я сказал бы, что я верю в разум и волю нашего народа, и что именно он, а не кто-то другой должен решать, какой быть России, и что даже из благих побуждений игнорировать это – большое свинство. «Народ решает!» – это вообще отличный лозунг, мне он нравится, и я хочу, чтобы Болотная площадь его скандировала.

Еще я бы обратился к тем, кто в той или иной форме сотрудничает с властью в ее нынешнем изводе. Кто-то искренне верит, у кого-то семья, кто-то просто не задумывается ни о чем и тихо мотыжит свой участок, и его даже не смущает, что этот участок – метр на два. Всем этим людям я просто посоветовал бы представить – вот прошло десять лет, вообще все изменилось, и после тяжелого трудового дня ты разговорился с незнакомым человеком в баре за кружечкой пива. Болтаете, слово за слово, вспомнили 2013-й. «Ты где работал? Я вот на Первом канале, золотое было время». «А я в тюрьме сидел, «болотное дело», помнишь?» Вот просто представьте.

А больше бы я ничего не сказал, и даже конца митинга не стал бы дожидаться, просто спустился бы со сцены и ушел, потому что есть еще какие-то слова, которые надо сказать

уже не людям на площади, а самому себе. И вот этих слов я пока, к сожалению, не придумал.

Да, это политическая деятельность

«Родина, ты спятила», – пишет в блоге директор благотворительного фонда «Кислород» Майя Сониная, да и что тут еще напишешь, родина же действительно спятила, ну или, хорошо, не сама родина, а, по крайней мере, ее Истринская городская прокуратура, которая вынесла организации «Помощь больным муковисцидозом» «предупреждение о недопустимости нарушения закона».

Текст предупреждения Сониная публикует у себя в блоге, почитайте: прокуратура пишет, что защита больных муковисцидозом – это политическая деятельность, поэтому поддерживаемая иностранными фондами подмосковная организация должна регистрироваться как иностранный агент.

И даже если мы понимаем, что это какой-то районный прокурорский клерк переусердствовал, и на него уже наорали, и на самом деле никаких проблем у муковисцидозной организации больше не будет, все равно слово не воробей, и на это слово еще долго все будут реагировать.

И можно, как благотворительница Сониная, говорить, что родина спятила, или, чуть сдержаннее, рассуждать, что репрессивная риторика, звучащая сверху, на районном уровне всегда оборачивается атаками на «Помощь больным муковисцидозом», потому что каждой районной прокуратуре хочется иметь на подведомственной территории иностран-

ного агента, которому можно было бы слать предупреждения. Можно просто иронизировать насчет того, какую еще деятельность надо признать политической: приюты для животных, спортивные клубы, укулелешные? Такой, как в Истринской прокуратуре, жирный случай унтерпришибеевщины, административного восторга и как это еще называется – такой жирный случай стоит считать настоящим подарком всем нашим колумнистам, и мы, конечно, много всего на эту тему в ближайшее время прочитаем и услышим. Но ни ирония, ни глубокомысленная аналитика, ни патетика не будут, мне кажется, исчерпывающе правильной реакцией на случай в Истре.

Потому что на самом деле истринские прокуроры, конечно, правы и, скорее всего, сами не понимают, насколько правы. Потому что защита больных муковисцидозом – это именно политика. Потому что иногда так бывает – наступает такой момент, когда политикой становится любая форма жизни, неподконтрольная власти.

Это обстоятельство можно игнорировать, не замечать его, делать вид, что можно оставаться вне – даже не «над схваткой», а просто вне. «Я объективен, я не политик, во власти тоже есть достойные адекватные люди, понять и простить» – ну, слышали мы все это миллион раз. До какого-то момента это допустимо, а потом вдруг становится лицемерием, что-то меняется, и вот у нас, кажется, уже изменилось. Попробуйте проговорить это вслух: «Я не политик, во власти есть адек-

ватные люди» – вот сейчас, где-нибудь в промежутке между судами по «болотному делу» и по Навальному. Ничего не смущает?

Я не знаю, когда это произошло; может, после прошлогодней Болотной, может, чуть раньше, может, чуть позже, когда начались уголовные дела и суды, или когда Госдума превратилась в принтер. А может быть, только сейчас, когда Истринская городская прокуратура вынесла предупреждение организации «Помощь больным муковисцидозом».

Не считай дней, не считай верст и не думай, что ты далек от политики. Никто не далек.

В самое сердце

На панели закладок в моем браузере самая потертая, самая часто используемая закладка – это газета «Известия». Стоит признать, что сегодня это единственная русская газета, которую по-настоящему интересно читать.

Прежде чем признаваться дальше, я выступлю с таким, как это называется в социальных сетях, дисклеймером и скажу вот что. О всяком более-менее заметном человеке ходят всякие слухи, и обо мне тоже ходят. Самым неприятным слухом о себе я назвал бы сейчас слух, согласно которому я то ли просился, то ли собираюсь попроситься на работу как раз в газету «Известия» – и это очень обидный для меня слух. С начальником «Известий» Арамом Габреляновым меня связывают давние и сложные, но все же вполне дружеские отношения. Впервые он позвал меня на работу восемь лет назад, потом еще несколько раз звал, и в принципе у меня есть основания полагать, что если я вдруг попрошусь к нему теперь, то он разрулит все необходимые в моем случае трудности со своими «громовыми» и «володинами», и уже следующую свою колонку в «Свободной прессе» я подпишу каким-нибудь сложносочиненным известинским титулом. Это обстоятельство меня в известном смысле даже греет, но в том числе и в связи с ним, с этим обстоятельством, я никогда не попрошусь к Габрелянову на работу. Мне кажется, это

важный дисклеймер, на который стоило отвлечься, а теперь я продолжу про свои закладки.

Действительно, «Известия» сегодня – единственная русская газета, которую интересно читать, стоит читать и нужно читать. Если совсем грубо, то их стоит читать так же, как тридцать и больше лет назад стоило читать «Правду» – чтобы быть в курсе, что именно партия хочет считать правдой сегодня. Но это именно если грубо. Партийных СМИ, пропагандистских СМИ в России сегодня много, но «Известия» не стоят через запятую ни с «Российской газетой», ни с «Комсомольской правдой».

Года полтора назад, когда в социальных сетях возникла вдруг мода на Габрелянова, когда уставшие от Джигурды интернет-обыватели вдруг обнаружили, что есть на свете веселый армянин, который здорово ругается матом, – так вот, в те далекие уже времена некая начальница государственного информагентства, женщина с репутацией сугубо приличного человека, написала у себя в социальной сети, что ей смешно наблюдать за восторгами разных людей по поводу очередного матерного монолога Габрелянова, потому что она-то знает – в жизни он совсем не так крут, каким кажется в интернете. Она много раз наблюдала его на совещаниях в Кремле, когда кремлевские главпиарщики собирают всех главных редакторов и рассказывают им, как надо понимать текущий момент. И Габрелянов, по словам той начальницы (а я не вижу оснований ей не верить) на тех совещаниях не ругался

матом и не говорил, что кто-то ранит его в самое сердце – напротив, был тише всех, молча сидел в уголочке, приходил всегда в пиджаке с галстуком (а приличные-то главные редакторы в Кремль ходят «по гражданке»), пропускал всех в дверях вперед себя, целовал женщинам руки – в общем, вот он какой на самом деле. С точки зрения чиновницы, переодетой в журналистку, такой Габрелянов действительно выглядит лоховато, но мне как раз это описание очень понравилось. Я бы разочаровался в Араме Ашотовиче, если бы он ходил слушать кремлевские инструкции в майке с надписью «Фак офф» – типа смотрите, какой я нонконформист, круче Макаревича! – и поглощал бы кремлевское блюдо, не молча в своем уголке, а по-фрондерски, мол, чмок-чмок-чмок, передайте Владимиру Владимировичу, что он не великий, а выдающийся, вот так! Описанная агентской начальницей модель поведения Габрелянова в Кремле кажется мне гораздо более симпатичной, чем поведение любого другого редактора, о которых я в контексте этих совещаний слышал.

И, собственно, модель поведения «Известий» в информационном поле – она ведь такая же. Я не могу представить себе корреспондента «Известий» в роли той несчастной телевизионной девушки в оперном антракте, которая, стараясь не заплакать, выдавливала из себя согласованные, пронумерованные и прошнурованные вопросы о «цивилизованном разводе». Нет уж (кстати, еще один дисклеймер – я совершенно ничего не знаю о том, как это выглядит изнутри

и ориентируюсь только на свои читательские впечатления), это пускай телевидение и другие придворные газеты получают прямые инструкции, поведение «Известий» имеет совсем другую природу. Не знаю, кто это придумал – подозреваю, что все-таки не Кремль, – но отношения «Известий» с их хозяевами выглядят как такая интересная игра: и власть, и газета делают в этой игре вид, будто они не в позднепутинской России, а в голливудской, времен классических нуаров (и, стало быть, маккартизма, смайл) Америке. То ли для забавы, то ли в порядке эксперимента газету запустили внутрь периметра и выдали пропуск-вездеход – вот тебе в виде исключения свобода, работай, ищи свои сенсации. И «Известия» ищут, и находят. Ежесуточно в полночь, когда у них обновляется сайт, на сайте обнаруживается очередная сенсация – или про скорую отставку и назначение, или про новое уголовное дело, или еще про что-нибудь такое. У всех этих сенсаций общее одно: в них заинтересованы только «Известия», нет такого, чтобы Кремлю или, что сейчас имеет примерно тот же вес, Следственному комитету было важно довести до сведения читателей вот эту информацию. То, что власть хочет слить, она сливает иначе – гораздо чаще через менее одиозные СМИ, чем габреляновская газета. «Известия» стоит как раз любить именно за чистоту этой игры. Кроме них в нее не играет никто.

Немного другая, чем с новостями, игра – с колонками, но она тоже безумно интересна. Габрелянову (колонками у него

заведует какой-то специальный еврей, но я его фамилии не помню) удалось собрать невероятный пул людей, всегда готовых одобрительно высказаться об очередной инициативе власти или наоборот, дать отпор любому, даже самому незаметному жесту любого оппозиционера – от Навального до последнего пользователя фейсбука. Вот не поленитесь сходить по ссылке – не знаю, что это за философ, но впечатления производит. Сенсация с Академией наук, растерянные комментарии академиков на новостных лентах, а в «Известиях» на сайте уже висит обстоятельный текст о том, как обнаглели академики, давно уже из ученых превратившиеся в богатых латифундистов. Готов биться об заклад, что здесь тоже не было вот этого, рисующегося в воображении обычного, все заранее знающего читателя – звонят автору и говорят, мол, старик, давай мочить академиков. Нет, наверняка он сам прибежал со своей колонкой через минуту после выступления Ливанова, не мог не прибежать, потому что в поле притяжения «Известий» собраны именно такие авторы. У одного – вот у этого философа – какая-то большая личная обида на академиков, у другого – такая же большая обида на белоленточное движение, у третьего – на литературную тусовку и так далее. В итоге, и это тоже невероятная для наших пропагандистских органов ситуация, образовался круг авторов, всегда готовых одобрить или раскритиковать что угодно не по «темняку», а по велению сердца. И это тоже уникальный и никем до сих пор толком не понятый феномен Габре-

лянова, нашего русского «гражданина Кейна», который всегда будет круче всех в какой угодно, хоть путинской, хоть навальновской, хоть в свободной России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.